

НИКА ЯНВАРЁВА

Слепая любовь

Ника Январёва
Слепая любовь.
Лирическая повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22616378

ISBN 9785448364938

Аннотация

«Слепая любовь» является заключительной частью дилогии (первая повесть «И пели ей райские птицы» выдержана в жанре семейной саги; вышла в 2015 году, готовится к переизданию). Читатель встретится с полюбившимися героями: семьями Зориных и Гладковых, где подрастают и вступают во взрослую жизнь дети. Но главным становится новый герой – слепой мальчик Юра. Только ли с ним связано название повести? Семейные тайны и интриги, вероломное предательство и горькое прозрение, яркие чувства и опасные связи...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Слепая любовь
Лирическая повесть
Ника Январёва

© Ника Январёва, 2017

ISBN 978-5-4483-6493-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Каждый раз, когда дело доходило до Маришкиных колготок, Светлана удивлялась: как же надо их носить, чтобы к вечеру обязательно возникала новая дыра, а колени приобретали стойкий цвет въевшейся грязи? Впрочем, первые дни лета одарили робким теплом, что внушало надежду на скорый переход от колготок к носочкам. И всё-таки это было странно: любимица отца, Маришка умудрялась изнашивать свои одёжки гораздо быстрее младшего братишки. Возвращаясь из детского сада или с прогулки, девчушка выглядела ничем не лучше маленького попрошайки, что приставал к прохожим на улице. На её фоне Серёжа смотрелся просто примерным мальчиком с картинки. А ведь играли-то вместе.

Покачав сокрушённо головой, Светлана принималась за ежевечернюю стирку.

Вот и сегодня: загрузила машину и вошла в комнату с намерением хорошенько выбрать младшую дочь. Но круглолицая милашка, на пару с братцем, так заворожённо следила за приключениями Белоснежки и гномов на экране!.. И Олег, который чинил за столом настенные часы, переставшие вдруг тикать, нет-нет да и бросал взгляд в телевизор. Стоило ли портить настроение сразу всему семейству?

Впрочем, Оля и без того была чем-то огорчена. Сидела за швейной машинкой задумавшись, на мультяшек – ноль

эмоций... И Светлана поймала себя на том, что не в первый раз видит свою неугомонную болтушку в таком не свойственном ей состоянии. Подступать с расспросами было почему-то боязно: обычно дочь что надо и что не надо рассказывала сама. И на этот раз еёхватило только до ночи: перед сном вдруг расплакалась горько и неудержимо.

Он был совсем-совсем слепой, тот тоненький угловатый мальчик с неестественно прямой спиной и в непроницаемо чёрных очках. Его огненно-рыжая колли оказалась поводырём, вот почему он отпускал её побегать только после того, как усаживался на скамейку.

Оля «пасла» в парке Маришку и Серёжу, «выдворенных» из детсада на каникулы. Они чуть не весь день висели на турниках и лазалках или носились «в догоня» и «пряталки» с другими дошколятами. Особого надзора не требовалось, и Оля обычно просто сидела неподалёку с книжкой или вязанием. Кэтрин хотела было составить ей компанию, но у неё вечные занятия по музыке.

Мальчика Оля заметила почти сразу: такой странный, в пасмурный день в тёмных очках. И сидит уже довольно долго без всякого дела. Резким свистом он подозвал собаку. Когда ткнулась мордой в его колени, пристегнул поводок, не склонив головы. И пошёл как-то слишком уверенно.

Вскоре обратила внимание и на то, что женщины, гуляющие с детьми, иногда перешёптываются и переглядывают-

ся, кивая на мальчика: «Юрик слепенький опять пришёл. Не приведи, Господи...» Никто не отзывался о нём плохо, не показывал пальцем, не дразнил. Но и не общались, точно боясь заразиться. Всё протестовало в Ольге от этой несправедливости. Ладно бы, дед какой, изуродованный старостью, а то ведь её ровесник или чуть старше.

– Какая умная у тебя собака, – произнесла как-то Оля, тихонько подойдя к собравшемуся уходить Юрику. Он повернул голову на голос, и Оля увидела, каким малиновым сделалось его лицо.

– Да, Джим умный, – чуть хрипловато подтвердил Юрик и напряжённо замер.

Оля не нашлась сразу, что ещё сказать. И мальчик, постояв, двинулся привычным маршрутом. Девочка была в смятении. Ей так хотелось разговорить Юрика, и сказать, и сделать для него что-то доброе... Но не знала, о чём говорить и чем помочь. И оттого ещё жальче было его одинокую удаляющуюся фигурку.

– Юрик слепенький домой пошёл, и нам с тобой пора, – услышала за спиной Оля. Обернувшись, спросила у пожилой женщины, отряхивающей от песка штанишки на карапузе:

– Откуда вы его знаете?

– Да кто же Юрика слепенького не знает? – удивилась бабулька. – Ты, видать, недавно в наш скверик ходишь?

– С третьего июня, как садик на каникулы закрыли, – подтвердила Оля.

– А, так ты не знаешь... Сиротка он. Батьку и не знал никогда, а матка его трёхлетнего бросила, когда врачи незрячим признали. Сестра ейная старшая, одинокая, приютила мальчика. И то одной-то не сахар. А мальчонка у ней всегда ухоженный, чистенький. Дома по специальной книжке занимается. Собаку вот недавно от общества слепых выделили. Да только – всё едино: плохо слепому среди зрячих. Тут уж ни ум, ни красота не помогут... Ну, Игоряшка, пойдём, внучок. Заболталась я. Обедать уж давно пора, – усадила вертялого карапуза в коляску и торопливо засемила по дорожке.

Вечером в постели Оля разрыдалась.

– Мамочка, он и слепенький, и родителей у него нет, и не разговаривает с ним никто... Он сидит один-один совсем, будто прокажённый какой, – рассказывала сквозь всхлипы встревоженной Светлане.

– Конечно, жалко, Оленька, да что сделаешь? Их же так много – инвалидов, сирот, просто одиноких бабушек и дедушек.

– Если много, то почему же с ним никто не дружит? Он всё время один.

– По-разному бывает. Может, поблизости никто не живёт, а далеко ездить им ведь сложнее, чем обычным людям. Или, может, не интересно с такими же общаться: ты не видишь, я не вижу – ни тебя, ни того, что вокруг. А ещё некоторые

в себе замыкаются, в своём горе. Озлобляются на весь мир. Особенно, если дразнит кто-то...

– А бывает, что такие люди вылечиваются?

– Оля-Оля!.. Это ж только в сказках чудеса кругом, а на самом деле... Нет, конечно, случается иногда. Только для этого деньги нужны, врачи хорошие. Да и всё равно никто не даст гарантии, что получится.

Светлана сидела на постели дочери и, словно маленькую, гладила по головке, забирая волосы со щёк и лба. Притихшие младшие со своих «ярусов» прислушивались к не совсем понятному для них разговору. А Светлана думала, как помочь дочери. И всегда-то Оля была отзывчива, но никогда прежде не реагировала так остро на несчастье постороннего человека. Может, дело в том, что близки по возрасту, и девочка невольно примеряет чужой недуг на себя? И поэтому её участие чуть больше, чем обычная жалость?

– Знаешь, Оля, если уж тебе так невыносимо смотреть на этого мальчика, может, вам в другом месте гулять? – Светлана ещё не успела договорить, а дочь уже энергично мотала головой.

– Нет, что ты! Я наоборот... Подружиться хочу.

– Ну, что же, что же, – с некоторым сомнением полуодобрила Светлана.

Впоследствии этот разговор не раз всплывал у неё в памяти, вызывая неоднозначное отношение к своей не до конца прояснённой позиции. Может, следовало мягко отвести сен-

тиментальное дитяtko от странной дружбы? И Олина судьба сложилась бы более благополучно...

Глава 2

– ... У меня светлые волосы, не очень длинные, лицо круглое и всё в веснушках, хорошо, что ты их не видишь... Ой!

– А мне кажется, что это красиво, – не обращая внимания на её «ой», доброжелательно возразил Юра. – Я слышал, что у кого веснушки, того солнышко любит.

– Ну, может быть, – нехотя соглашается Оля и торопится перевести разговор с не очень приятной для неё темы:

– А у тебя вот пальцы красивые – длинные, музыкальные. Я в этом разбираюсь, у меня сестра двоюродная на пианино хорошо играет.

– Я тоже немножко играю, – смущённо признаётся Юрик.

– Ой, вот здорово! Ты с учителем занимаешься, да?

– Нет, это тётя Зина меня научила, она в детстве музыкальную школу закончила. Мне интересно перебирать клавиши. Я стараюсь сыграть то, о чём думаю, и своё отношение к этому выразить. Тётя Зина говорит, что это у меня фило-софствование такое. А раньше у меня игра была: разные цвета передавать звуками. Вот, например, оранжевый: ля-соль-ля. Алый: соль-ми-соль. Ты – это алый цвет.

– Почему? – Олины пухлые щёчки и вправду заалели от такого неожиданного сравнения. И от того, каким тоном сказал это Юрик.

Он объяснил:

– Соль – потому что весёлая, жизнерадостная, си – это рана, это потому, что ты жалеешь меня, а ещё соль – мне нравится с тобой.

Оля, ставшая пунцовой, готова была провалиться сквозь землю. Так точно угадано, так откровенно сказано.

– Я обидел тебя? – тёмные брови поднялись над очками и две складки появились на лбу. Оле захотелось нахмуренность эту разглядить рукой, она даже сделала полудвижение. Но посторонний мальчик – не Маришка и не Серёжа. Кстати, где они? А, вон, гоняются за Джимом, вместе с другими обормотами... В траву повалились, вот мама не видит! А Юра ждёт, что она скажет. Вот тебе и болтушка! Язык словно к небу прилип, не ворочается.

– Нет, я не обиделась, просто... Откуда ты знаешь всё это?

– Я же слышал, как ты мимо меня проходила. А иногда останавливалась неподалёку и вздыхала. И бананы Джиму к ошейнику цепляла. Тётя Зина ещё смеялась: «Что, Джим, не знает твоя подружка, что ты косточки любишь, а не бананы?»

А Оля-то думала, что всё было тайно!

Будто извиняясь, Юрик признался:

– Мы, слепые, слышим очень хорошо. А ещё руки у нас очень чуткие. Вот, хочешь, я угадаю, какого цвета твоё платье?

Он как-то по-особому поводил пальцами по краю Олиного подола, что лежал на скамейке.

– Зелёное! – уверенно произнёс.

И Оля покосилась недоверчиво: слепой – мнимый или ему кто-то подсказал?

– Нет, я не жульничаю, – угадывает Юрик её подозрения, – просто от каждого цвета идёт своя волна. Обычным людям это трудно представить. А у слепых взамен зрения сильно развиты осязание и слух. И ещё обоняние. У тебя очень приятные духи.

И Оле снова стало неловко: духи, конечно же, позаимствовала у мамы... И, конечно же, ради Юры... Выговорила с натужным смешком:

– А ты, Юра, опасный человек. Так много всего знаешь, а со стороны и не подумаешь.

«Знаю, Оля, знаю, – мысленно произнёс Юра, – и что сердце твоё доброе, и что девочка ты хорошая. А только надоест тебе моё общество и весь интерес пропадёт, когда все мои секреты узнаешь. И наскучит тебе якшаться с инвалидом. Тётя Зина мудрая, хорошо, что с детства меня ко всему этому подготовила... Инвалид я и есть инвалид... А только очень мне здорово разговаривать с тобой, Оля».

Словно бы случайно задел край её платья, поднялся. Свистнул Джима. Мохнатая рыжая комета через три секунды ткнулась ему в руки.

– Пора нам, Олечка.

– А как ты узнаёшь, что пора? – взглянув на часики, удивилась Оля: Юра уходил всегда в одно и то же время, прямо

минута в минуту.

– Посмотри на солнышко, на скамейку. Ты ведь замети-
ла, что я всегда на одно и то же место сажусь. Как луч дохо-
дит до моего левого мизинца, так, значит, и пора... До зав-
тра, Оля.

А назавтра шёл дождь, и прогулка не состоялась. А по-
том было воскресенье, и все Гладковы отправились на речку.
А в понедельник Юрик почему-то не пришёл...

А потом открылся садик, и надо было водить Маришку
с Серёжей, а дома всегда находились какие-то неотложные
дела. А то вдруг Кэтрин прибежала с новой фантазией на те-
му шитья или звала куда-нибудь, и Оля не решалась отка-
заться: пришлось бы рассказать о Юрике.

Думала о нём каждую свободную минуту. Но и маме, во-
преки обыкновению, ни о чём не рассказывала, ограничива-
ясь, если вдруг спросили, уклончивыми односложными от-
ветами. Ох, и беспокойно было Светлане от этих умалчи-
ваний прежней болтушки! Однако, увидев, что Оля пропа-
дает в парке не каждый день, поуспокоилась. Этот неистре-
бимый материнский инстинкт – убережёт ребёнка от явных
и мнимых опасностей, от тревожащих знаков и соблазнов!..
Словно потакая матери, пёстрая вереница дел и дней кружи-
ла Ольгу, не пуская в парк, хотя каждый вечер, укладываясь
спать, девочка клятвенно обещала себе: уж завтра – непре-
менно!.. Не скоро, совсем не скоро удалось вырваться.

Стайки воробьёв, карапузы на трёхколёсных велосипедах, бабушки в платочках – всё как всегда. И одинокий слепец на скамейке.

Не дойдя нескольких шагов, увидела, что Юрик улыбается.

– Здравствуй, Оля, – и поднялся навстречу.

Она остановилась, не подходя. Так стало стыдно. Ведь на-верняка же каждый день ждал, прислушиваясь. А она!..

– Мне было никак... – неловко пробормотала. Улыбка со-шла с губ Юрика.

– Я инвалид. И ты мне ничего не обещала, – чуть резко-вато сказал он.

А Оля давилась слезами, не в силах ни уйти, ни прибли-зиться. Юра подошёл к ней сам.

– Олечка, не надо, – и безошибочно нашёл её руку. – Не надо, а то я подумаю... А мне так думать нельзя. Ты при-шла – и умница. Я очень рад.

Оля тёрла кулаком глаза и видела сквозь слёзы похудев-шее Юрино лицо, и чувствовала, как дрожит его рука, ти-хонько сжимающая её пальцы.

– Юрик, прости. Я теперь всегда...

– Ч-ч-ч! Не обещай ничего. От тебя зависит очень мало. Я всё понимаю...

Он всё понял и потом, через год, когда Оля вскользь об-

молвилась о Егоре.

Высокий, быстроглазый, с нагловатой улыбкой, Егор повстречался Оле на школьной дискотеке. Было в нём что-то пикантное и опасно-манящее.

Сводил несколько раз в кино и кафе. Предлагал, сведя всё к шутке, когда отказалась, попробовать пива. Катал на собственном навороченном мотоцикле. Было с ним весело и безоглядно легко.

Предложил однажды сходить к знакомому на день рождения. Оля согласилась после некоторого колебания.

Компания подобралась разношёрстная, но все явно старше Ольги, хотя она и выглядела взрослее своих пятнадцати. Полненькая, с оформившейся фигуркой, по-взрослому не чрезмерно накрашенная, она ловила на себе нагловатые взгляды парней и «всё понимающие» – девушек.

Шампанское за именинника пили все, но Олино нежелание поднять второй бокал было встречено всеобщим непониманием.

– А может, ей лучше водочки? – гаденьким голосочком пропела фиолетововолосая разухабистая девица, которую звали Птичкой.

Компания, не исключая и Егора, дружно заржала.

Вот тогда и надо было уходить. А Оля, дурочка, побоялась показаться малолеткой.

Егор начал приставать, как только врубили музыку и погасили свет. Он навалился на Ольгины плечи и сбоку дышал

ей в лицо невообразимым коктейлем из табака, пива, водки и шампанского. Рука его, с короткими потными пальцами, грубо полезла сзади за вырез блузки. Оля отшатнулась, юркнув из-под руки Егора в коридор. Но замок оказался непростым, и кто-то из Егоровых дружков схватил её за руки. С неожиданной силой оттолкнула захмелевшего донжуана. Он, пошатнувшись, уцепился за край её юбки. Материя затрещала. Оля впилась ногтями в эти ненавистные руки. Они разжались. Парень грохнулся, не удержав равновесия, а Ольга, справившись, наконец, с замком, выскочила за дверь.

Бежала по тёмным улицам, придерживая разодранный бок юбки и размазывая по щекам тушь. Кривила губы в брезгливой гримасе; было невообразимо гадко, словно мерзкие пальцы Егора и его приятеля оставили на её теле клеймившие позором отпечатки.

Ткнулась в грудь отцу, когда распахнул дверь на её истеричный стук. Долго отмокала в ванной, нещадно тёрлась мочалкой, стараясь избавиться от невыносимого ощущения липких бесцеремонных лапищ.

Светлана отпаивала её успокоительным отваром из смеси трав и со смешанным чувством запоздалой тревоги и облегчения слушала сбивчивый рассказ и пламенные клятвы, что «больше – никогда, никогда, никогда!»

Юрик не улыбался. Он ровно сказал:

– Здравствуй, Оля, – как всегда, за несколько метров узнав

её по шагам.

Она не приходила почти месяц, и сейчас в её походке, в её сдерживаемом дыхании было что-то виновато-осторожное, порывисто-несмелое. Когда уходила в последний раз, в голосе невольно прорывалась радость, а сейчас он был тусклым, каким-то невыразительным.

Оля присела рядом с Юрием и монотонно, почти скучно рассказала ему всё. Потом оба долго молчали.

– Я не батюшка, грехи отпускать не умею, – наконец неловко сказал Юра.

– Да, верно, – так же скучно отозвалась Оля и поднялась, намереваясь уйти.

– Не уходи, сядь, – попросил Юра.

Она послушно опустилась рядом и заставила себя смотреть в его незрячее, такое знакомое и такое симпатичное для неё лицо.

– Я тебе скажу, а ты забудь. И это, и всё... Обидно то, что ты не поняла Егора сразу, он ловко пускал пыль тебе в глаза. Высокий, красивый и сильный, да?.. Ты хорошая, но излишне доверчивая... Олечка, если бы я мог... – волнение помешало ему досказать «оберегать тебя от таких вот Егоров» или что-то подобное. Юра опустил голову, и ярко заалела его щека, видимая Ольге. И тёплой волной обдало её сердце.

– Ты звучишь сейчас грустно-грустно, как си-соль-си третьей октавы, бледно-сиреневый цвет, – прошептал Юра.

Оля взяла его дрожащую руку и стала водить пальцем

по ладони. Но Юра вдруг быстро сжал пальцы, поймав её в капкан:

– Не смей!

Она не успела дописать «люблю».

Глава 3

И опять была школа с бесконечными уроками и неиссякаемые домашние дела, но на свидания с Юрой Оля приходила почти каждый день. И было это не жалостью вызвано, не обременяющей обязанностью скрасить жизнь и «посильно помочь ближнему своему», а настоящей внутренней потребностью в общении с близким по духу и интересам человеком. И было уже совсем родным его лицо. И не вызывали боязливого отторжения его неизменные чёрные очки.

Джим, завидев Ольгу издали, подбегал и, степенно помахивая хвостом, тыкался в руки холодным чёрным носом. Оля гладила его по узкой короткошёрстной морде с карими маленькими глазками. Подходил Юра, а Джим деликатно удалялся по своим собачьим делам.

Зимой или в промозглые дни Оля и Юра оставались почти единственными посетителями парка. Запутанные тропинки позволяли наслаждаться неспешной беседой вдаль от всех любопытных взглядов и ушей. Впрочем, ничего секретного в их разговорах не было. Необычное – пожалуй. Часто говорили о банальном – о погоде и природе, но Юра стремился выразить словами, как представляет и ощущает «изнутри» этот день. И неожиданные краски, и удивительные сравнения заставляли Ольгу по-новому взглянуть на привычный мир. И в ответ она пыталась максимально точно описать то,

что видит, изобретая и отыскивая какие-то яркие и нетривиальные слова.

А ещё они обсуждали книги.

Чтение никогда не было для Ольги всепоглощающим хобби, она охотнее шила, вязала или возилась с младшими. Но волей-неволей, а приходилось осваивать программу по литературе, достаточно объёмную в старших классах.

А Юра с давних пор любил слушать по радио литературные чтения и всевозможные постановки. Да и тётя Зина никогда не отказывала ему в просьбе почитать. Специальные книжки для слепых были слишком громоздки и немногочисленны, Юра уже давно покончил со всем содержимым городской «слепой» библиотеки.

Размышления Юры о знакомых повестях и романах были тоже неожиданны и оригинальны: его же никто не направлял в русло школьной, «правильной» трактовки. И Оля постепенно тоже научилась избавляться от стереотипов, глядя на привычное с Юриной точки зрения и стараясь понять и выразить себя.

Не стремясь сознательно к тому, Оля стала лучше писать школьные сочинения.

– Вот когда таланты проснулись, – подтрунивал Олег, услышав об очередной дочкиной «пятёрке».

Говорили Юра с Олей и о родных, и о каких-то повседневных событиях. Совсем не говорили о будущем. Зачем? Хорошо было «сейчас» и «так».

Как-то в начале декабря Оля обмолвилась, что у брата Се-рёжи скоро день рождения, и она готовит ему подарок. Юра спросил:

– А ты тоже родилась зимой?

– Нет, что ты, я весной, 16 марта.

И разговор потёк дальше, не возвращаясь больше в прежнее русло.

Приглашать Юру на какие-то семейные праздники Оля, конечно же, не решалась: в неудобном положении не хотела увидеть ни его, ни родных. Поэтому обычно просто ссыла-лась на занятость, прибегая в парк на чуть-чуть. Так же было и в этот раз.

На торопливые объяснения Оли Юра кивнул. А потом взял её руку и неуловимым движением закрепил что-то на запястье. Пасмурный день после полудня совсем смерк, отгородившись низкими пухлыми тучами, и Оля поднесла руку ближе к лицу, чтобы рассмотреть. Это оказался широкий браслет, замысловато сплетённый из нанизанных на леску крошечных разноцветных бусинок. Узор был причудлив и цвета подобраны с большим вкусом. Оля обрадовалась неожиданному подарку, а ещё больше – тому, что запомнил.

– Спасибо, Юра... – и не удержалась от вопроса :

– Тебе помогала тётя Зина?

– Что ты. Я плёл в тайне от неё, – не оправдываясь, не убеждая, а будто укоряя в неверии.

– Тогда ты просто чародей какой-то! – совершенно искренне восхитилась Оля, и подарок стал ещё милее. И не только подарок... Поцеловала в щеку и с чувством произнесла: – Спасибо, Юрочка.

И он, смущённо поправив очки, стал уверять, что сделать браслет ему было совсем нетрудно. И что определять цвета он запросто может подушечками пальцев.

– Разве ты забыла?

И, повторяя давний опыт, тронул её куртку, попав будто бы невзначай на плечо:

– Коричневый. Верно?

Тётя Зина подошла к Ольге как-то весной, когда Юрик с Джимом уже скрылись за поворотом, а Оля медленно брела, обдумывая недавний разговор с мамой.

В семье все уже привыкли к тому, что Оля дружит со слепым мальчиком, который никогда не заходит в гости. И никому в голову не приходило напрашиваться на знакомство: каждый имеет право на тайны и «личную жизнь». После истории с Егором последние сомнения Светланы улеглись: ну их, эти «модные компании» и современные увеселения! Общение с Юрой сделало добродушную, зачастую легкомысленную болтушку серьёзнее и вдумчивее. Даже вот учиться стала лучше. И так спокойно знать, что твоя подрастающая дочь не «где-то там», в сомнительном обществе сомнительных людей... И к десяти вечера обязательно будет дома.

Но вот уж и выпускной класс... И отчего-то беспокойство всё чаще появляется именно теперь, при взгляде на ставшую взрослой девушкой дочь...

– Совсем невеста стала, – любясь на удаляющуюся Ольгу, улыбулась как-то Светлане соседка.

И беспокойство обрело, наконец, чёткие контуры.

– Подумай, доченька, – говорила Светлана, обдавая теплом окружённых морщинками, но по-прежнему лучистых глаз, – ты уже взрослая. И ваша дружба с Юрой... Нет, упаси Боже, я не отговариваю тебя от этих встреч! Просто это не может продолжаться до бесконечности. Юра привык к тебе и, может, думает, что так будет всегда. Я ничего не имею против него. Но, Оленька, я не хочу для тебя судьбы тёти Зины – всю жизнь ухаживать за инвалидом. Ведь это же... Может быть, во мне говорит материнский эгоизм, но ведь каждая мать желает лучшего своему ребёнку! А всем сирым и убогим не поможешь... Я не собираюсь тебе что-то запрещать, насильно разлучать, устраивать скандалы. В конце концов, благими намереньями вымощена дорога в ад. И заранее, к сожалению, не узнаешь, где – счастье, где – западня... Просто подумай, Оля, как ты собираешься жить после школы...

И Оля думала. Вернее, перебирала в памяти мамины слова. На которые наплывали слова Юрика. Нет, ни о чём «таком» они не говорили. Просто его голос был постоянно с ней.

И любые его слова были для неё значительными и важными, потому что из этого состояла большая часть её внутреннего мира. Но Светлана, по-видимому, не понимала, что души Ольги и Юрия уже накрепко вросли друг в друга.

...И тут вдруг – тётя Зина.

Оля сразу догадалась, что взволнованная седоватая женщина в сильно поношенном, но опрятном плаще и есть та тётя Зина, которую хорошо знала по рассказам Юрия.

– Извините, вы – Оля? – высокий голос прозвучал отчётливо, хотя и негромко.

– Да! А вы – тётя Зина, верно? – Оля смотрела с лёгким удивлением, но без дрожи в коленках и без самолюбивого «вставания в позу», нередкого у других при подобной ситуации.

Женщина кивнула.

– Она самая. Вот и познакомились. Конечно, следовало сделать это раньше, но Юрик... Пожалуйста, пусть он не узнает о нашем разговоре.

Тётя Зина некоторое время молча рассматривала Ольгу. Придыхание, с каким Юра всегда говорил о ней, вызывало и ревность, и горечь. Девушка была не красавица, но довольно миленькая, фигуристая. Одета со вкусом и не размалёвана. И взгляд хороший – без вызова, без резкости, открытый. И тем хуже!

– Вот о чём я хотела поговорить, – начала, наконец, тётя

тя Зина, но тут же себя перебила: – Не о чём, а о ком, конечно же, о Юрике. Это хорошо, Оля, что вы дружите, для него очень важно это общение, и его фантазии на пианино так чудесны, но... Сколько вам, Оля?.. Семнадцать? Юрику через полгода – девятнадцать... То-то и оно, что... Я с детства стремилась воспитать Юрика сильным, чтобы мог противостоять обидам и насмешкам. Чтобы жил вопреки жалости. Чтобы воспринимал свою неполноценность как данность, без злобы на судьбу и людей. Кажется, мне это удалось...

У него ведь очень плохая наследственность, вы скоро поймёте, к чему я веду... Отец беспробудно пил. Замёрз на улице ещё до рождения Юрика. Поэтому же, вероятно, и слепым родился мальчонка. Мать его, сестра моя младшая, видать, не сразу недуг разглядела... Бойкая она была в молодости, никак на месте усидеть не могла. Юрик был для неё обузой. Махнула хвостом – и нет её. С очередным кавалером – может, в соседнюю область, а может – и на край света. Уж и не помню, когда последний раз заезжала – лет пять, верно, прошло... А для меня Юрик утешением стал на старости лет. Мне уж под сорок было, когда Анна его подкинула: понынчись, мол, недельку, а там бумаги в детдом готовы будут. А я как глянула – мальчонка худенький, лопаточки, что крылышки, из рубашонки выпирают. Ручонками всё по личику, а то глазки трёт – словно песок попал или закрыли чем-то, и ему бы мешаает, сдёрнуть хочет. Головёнку на звуки пово-

рачивает, а выражение на личике удивлённое и будто бы рассерженное чем-то. Сунула я ему в ручонку печенье – в ротик потянул, захрустел торопливо. Ну, точно: голодный! Я быстрее ему кашу варить. На колени посадила, кормлю с ложечки. Не слишком ловко выходит, не умела я с маленькими-то. Чувствую только: прижался ко мне спинкой и замер. И так мне жалко его сделалось. Ротик как галчонок открывает. Волосёнками оброс. Сиротка из дореволюционной книжки – да и только! «Нет, – думаю, – Юрик, не отдам я тебя никому. Мамка родная бросает, а я что ж, совсем чужая, что ли? Или уж сердца у меня нет видеть всё это?»

Тётя Зина не смотрела на Ольгу, а то бы непременно заметила, как болезненно исказилось лицо девушки.

– Так вот и стали мы вместе жить. Своей-то семьи не было у меня никогда. Кого любила – на другой женился, а я больше и не старалась кому-то понравиться. В училище ребяткам математику преподавала, всё с книжками-тетрадками... А с Юриком и жизнь живее пошла, и в сердце тепло проснулось. И не в тягость, а в радость мне было водиться с ним, учить всему: как ложку держать, как личико умывать, и по дому помаленьку. Без этого куда ж? Я ведь не вечная. Да и любого безделье не красит...

Всё у нас вроде бы неплохо, и дружбе вашей я только радовалась. Раньше, Оля. А теперь вот задумываться стала. Дальше-то что будет? Он светится весь, как о вас говорит, а я... Ведь наскучит вам однажды разговоры разговаривать. Тут

уж ничего не поделаешь: природа, время подходит. Вы привыкли к интересному собеседнику, а ведь он инвалид! Это в парке нашем все его знают, а выйдите с ним на улицу – чуть не каждый обернётся – кто с усмешкой, кто с жалостью, а какой дурак и пальцем ткнёт: «О! Слепой, смотрите, слепой идёт!» Я закалённый в этом плане человек, а и то не по себе другой раз становится. Вы и вовсе обозлитесь, а раздражение на Юре отзовется, мучиться станете оба, и жизнь не в жизнь покажется.

Судите ж вы, какие розы
Вам заготовил Гименей!

Может, нелепо из моих уст это звучит, но... Подумайте над этим, Олечка. Если бы уродка какая была или калека, то и ладно бы, два сапога – пара. А так вы и свою жизнь загубите, и ему тяжело будет чувствовать себя в этом виноватым.

Это было парадоксально, но чем дольше слушала Ольга пожилую женщину, тем сильнее крепла её уверенность, тем спокойней делалось на душе. Спросила, чтобы окончательно утвердиться в своём решении:

– Тётя Зина, скажите, я вам не нравлюсь?

– Да что ты, Оленька! Совсем наоборот! Я оттого и речи такие веду. Что ж Юрочка, ему судьба уж такая, ничего не поделаешь. А ты славная девочка, тебе и счастье положено.

– А если так... – Оля вскинула лицо навстречу тёти-зинину и продолжила смело и уверенно: – Позвольте мне бы-

вать у вас дома.

Тётя Зина с минуту смотрела в светло-карие – добрые и какие-то очень располагающие – глаза девушки. И, кажется, она поняла, что – бесполезно... Всё-таки у 58-летней женщины жизненного опыта и чуткости оказалось больше, чем у 35-летней Светланы.

– Неужели, правда, так любишь?!

И обнялись, признав, наконец, друг в друге родственную душу.

Глава 4

Тётя Зина и Юра жили в частном деревянном домишке, выходящем низенькими оконцами на малолюдную, затерявшуюся среди соседних многоэтажных, улицу. Два ряда разномастных, отсчитывающих, пожалуй, вторую сотню лет, домишек.

Из-за заборчика тянули колючие лапы кусты крыжовника и шиповника, обрамляя с двух сторон овощные грядки. Утоптанная тропа от калитки с нехитрым запором вела прямо к крыльцу. Три деревянные ступени, просевшие от времени, отзывались на шаги басовитым размеренным поскрипыванием, отдалённо похожим на старческое кряхтение.

Пухлая дверь в обветшавшем дерматине подслеповато косилась полушляпками редких проржавевших гвоздей. Её голос был тягуче неодобрителен, словно у дряхлой, потревоженной невзначай старухи.

Через высокий порожек попадали в сени, сумрачную холодную «переднюю» без окон, где стояло на высоком коренастом табурете ведро с водой. На вешалке висела верхняя одежда, над которой округло возвышались шапки. Внизу выстроились в рядок ботинки и сапоги.

За сенями шли вагоном кухня и две комнаты. Юрина была самая дальняя.

Оля неторопливо оглядела старый диванчик с круглыми

боковыми валиками, давным-давно обтянутыми выцветшим уже габардином. Стол был, как и положено, у окна, но вместо привычной настольной лампы на нём стояло радио и лежали совсем не обычные толстенные книги.

А ещё находилось в комнате пианино, которое, подумалось Ольге, когда-то внесли сюда через забитую теперь дверь, что наполовину видна из-за старомодного, с большими, жёлтого металла ручками, комода.

Пахло чистыми сосновыми половицами и живым огнём затопленной по случаю прохладного дня печки. А ещё душистым, со смородиновым листом, чаем и вареньем из крыжовника.

К чаю Оля всегда старалась принести что-нибудь вкусненькое – и, обычно, не магазинное: то и дело пекли с мамой, при обязательном участии Маришки.

Тётя Зина простодушно восхищалась:

– Умеее же вы, Олечка, удивить! Ни разу не пробовала такой рассыпчатой сдобы. И даже рецептика не прошу, знаю, что так не получится.

Юра не умел изъясняться столь витиевато на тему еды, просто говорил:

– Очень вкусно.

И по тому, как быстро исчезало с тарелки угощение, очень даже верилось: правда, вкусно.

Иногда по вечерам забегала словоохотливая соседка. И тётя Зина становилась тогда как-то въедливо вежли-

ва, стремясь побыстрее спровадить назойливо зыркающую на Ольгу непрошенную гостью: пойдёт теперь языком трепать. Но, странное дело, саму девушку это ни капли не тревожило: полудеревенская, далёкая от привычной, жизнь здесь текла по каким-то другим правилам.

И даже Юра, находясь у себя дома, был другим. Он уверенно передвигался и всегда точно брал нужные вещи. И совсем не был похож на себя – зачастую беспомощного и одинокого – на улице.

Впрочем, в булочную через несколько домов Юра с давних пор ходил сам. Естественно, в сопровождении несшего обратно авоську Джима. Обоих в магазине хорошо знали, и не было случая, чтобы подсунули несвежий хлеб или обманули со сдачей. Вообще-то, Юра умел различать деньги на ощупь, другое дело, что постеснялся бы уличить бессовестного человека.

В небольшом огорожке Юра тоже был незаменим: вскапывать грядки, полоть и поливать было его необременительной извечной обязанностью.

Перекладину, расположенную позади дома, тётя Зина использовала для выбивания пёстрых, «деревенских», половиков. Но оказалось, что по утрам ею пользуется Юра: подтягивается и делает перевороты. Это Оля однажды увидела своими глазами, забежав в неурочный час. Тихо стояла у калитки, любясь точными и сильными движениями, невольно считая про себя: «Тридцать один, тридцать два...»

Несмотря на прохладное утро позднего апреля, Юрий занимался в майке и трико. Ольга с удовольствием следила, как перекачиваются налитые силой мышцы на руках и плечах, лоснящихся от пота. Привыкнув к зрительной немоши друга, и не догадывалась о его физической силе: ещё не доводилось общаться телу с телом столь близко... И сейчас Оля оценивала Юру в этом плане впервые: словно бы со стороны, словно бы постороннего. К тому же, он занимался без привычных очков, скрывавших обычно треть лица, и Оля со смесью любопытства и робости смотрела на большие немигающие глаза, на плотно сжатые упрямые губы, на ровный, неподвижный лоб. Лицо в целом выглядело чуть отчуждённым, и мужественно твёрдое его выражение было девушке незнакомо.

Оля ни словом не обмолвилась потом о своём невольном подглядывании, но стала относиться к Юре с большим уважением... и почти как к равному.

Тётя Зина, привыкнув к Ольгиным визитам, скоро стала оставлять их одних, удаляясь то под благовидным предлогом, а то и без всяких объяснений. К первому разговору она ни разу не возвратилась и только молилась втихомолку за «Юрочку и Олечку».

Юрий показывал Оле свои толстые книги с рельефными страницами и небольшую коллекцию колокольчиков, собранную прадедом в прошлом веке. Мелодичный звон сопровождал Юрин рассказ о каждом, донесённый «из уст

в уста» через поколения.

А ещё Юра играл на пианино свои странные мелодии: «Утреннее настроение», «Осенний затяжной дождь», «Тихая река под вечер, когда солнце расплёскивается в волнах». И цветы, которые знал по запаху и ощупью, изображал музыкой тоже.

Оле почему-то было немного жутко находиться в такие минуты рядом с Юрой: эти неожиданные звуковые переходы, это его напряжённо прислушивающееся лицо, эти своеобразные движения, которыми касался клавиш... Под пальцами Кэтрин звучал инструмент, а Юра... словно прикасался к живому существу.

Однажды он сыграл – ни кровинки не было в строгом лице – что-то такое щемяще нежное...

У Ольги занялось сердце, она поняла: это признание. Неслышно встала за спинку его стула, уронила ему через плечи свои полные руки и приникла щекой к пушистой русской макушке.

– Юрочка...

Чуткие его пальцы робко пробежались по обнажённым женским рукам...

– Какая ты... – потрясённо прошептал Юра.

Она прижалась крепче, спускаясь лицом с его волос к щеке, к шее, с замиранием чувствуя кожей рук его сбившееся дыхание, несмелое касание губ, чуть шершавых и твёрдых...

Задев лицом дужку очков, Ольга расцепила руки и, быст-

рым движением сняв с парня ненавистные ей очки, потянулась, положила на верхнюю крышку пианино.

Юра запрокинул к ней голову с закрытыми глазами и она, нагнувшись, поцеловала дрогнувшие навстречу губы.

И тогда Юра вскочил, и упругий девичий стан впервые взволновал его, так ощутимо, так одуряюще легко давшись в руки.

– Олечка, – шептал Юра в мягкие душистые волосы, зарываясь в них малиновым лицом, – Олечка, какая же ты... Она была полненькая, горячая... Вот так, сразу Юре было нелегко совместить в сознании тот давно знакомый и дорогой образ подруги, что жил в душе, с этим вот, новым, осязаемым, из плоти и крови, который пробудил вдруг что-то прежде заповедное в сердце... во всём теле... **Это** пьянило и звенело, и звало в запредельную высь. И если бы в эту минуту пришлось выбирать: немедленно оторваться – и жить, или минута ещё в объятьях – и умереть, Юрий предпочёл бы второе. Не размышляя.

Сквозь сомкнутые ресницы Ольга видела парня на турнике, но сильные руки в этот раз бережно сжимали её, и неровные бугры мощных мышц покатывались так волнующе рядом.

А Юра тонул в её лебяжьей нежности... «Неужели это со мной? Неужели может быть так блаженно-хорошо?..»

Он ласкал её самозабвенно, как только мог. А она скользила пальцами и сжимала в руке то... что случайно оказа-

лось под рукой. Истома растекалась по телу... А по руке тоже вдруг что-то потекло... Юрий странно замер.

Оля нащупала какой-то лоскуток и, распахнув глаза, с омерзением стала вытирать испачканную руку.

И сразу – всё кончилось!

Юра торопливо одевался, закусив губы. Нашёл на пианино очки. Его зримо передёрнуло, когда Оля вдруг, ударяя по клавишам незакрытого инструмента, резко отчеканила: «Чи-жик-пы-жик-где-ты-был...» Сел, сутуло вобрав голову в плечи, раздавленный и жалкий.

«Нет! Нет! Нет!» – панически звучало у Ольги в мозгу и, точно покидая место преступления, она опрометью выскочила на крыльцо, трусливо озираясь по сторонам.

Юрий ничего не объяснял вернувшейся тёте Зине, продолжая сидеть в горестно-неподвижной позе. Она сама увидела странные пятна на диване, скомканный носовой платок на полу, чуть не поднявшиеся до уровня остальных полузапавшие четыре чёрные клавиши...

Оля бежала, не разбирая дороги. В ней клокотало отчаяние – пополам со стыдом, жалостью, отвращением, обидой...

Не помня, как – очутилась в глухом уголке парка. Забилась в самую чашу, сквозь жёсткие, стегающие по лицу ветки, через цепляющую за ноги сухую прошлогоднюю траву. И только здесь, вдали от всех, разрыдалась злыми слезами.

Всё вышло не так, и оказалось с изнанки гадким и грязным. И этот слепенький Юрик – он в самом деле инвалид,

он совсем ничего не умеет и не знает, как надо. Не знает точно и она, но чувствует, что «э т о» должно быть приятно и возвышенно, что сердце должно наполниться неземной радостью. Нет, Юрик, всё не то и не так! И она виновата сама, что позволила этому случиться...

Глава 5

Выпускные экзамены сдавала на «тройки», хотя все свободные дни, ставшие такими нестерпимо длинными и пустыми, просиживала над учебниками. Дома её никто ни о чём не спрашивал. Только мама молчала как-то понимающе грустно.

Зато, находясь вдвоём, родители то и дело говорили об Ольге.

– Светлана, тебя не поймёшь: то переживала, что Оля слишком уж увлечена этим мальчиком, как бы не вышло чего. Теперь вот – всё время дома, на глазах – опять ты чем-то недовольна.

– На глазах! – передразнила жена. И укорила: – На глазах, а не видишь ничего! На ней ведь лица нет, как в воду опущенная.

– Ну, поссорились, значит. Или беседы твои на пользу пошли, – не совсем уверенно предположил Олег. Добавил твёрдо: – Во всяком случае, не вижу повода делать из этого трагедию.

– Ты, милый, так спокоен, даже не верится, что речь идёт о твоей дочери, – нервно бросила Светлана.

– А зато ты!..

– Это же мой ребёнок, моя кровиночка, и ей плохо!

– Светлана, протри глаза, ребёнку уже семнадцать лет. Свои семнадцать вспомни!

Олег, сам того не желая, подлил масла в огонь.

– Потому и беспокоюсь, что помню слишком хорошо! Но меня хоть опекать некому было...

– Вот-вот! А тут куча любящих родственников, сплошное баловство. Надо же и самой учиться жить... И потом, вспомни историю с Егором два года назад. Сама же выводы сделала, без всяких нравоучений.

– Ох, и не напоминай лучше! – отмахнулась Светлана. – Это я бдительность потеряла, купилась на вежливость симпатичного мальчика, разрешила... А если бы её тогда?..

– Да перестань же, не выдумывай!

Олег и сам уж был не рад, что напомнил. Тем более, что переволновался тогда за дочь не меньше жены. И сейчас не был так спокоен, как казалось. И Светланины терзания ему были в тягость. Нашёл, наконец, чем отвлечь дорогую от неприятного разговора.

– Света, ты ж ещё Маришкин дневник не видела!

Любому родителю приятно смотреть на почти сплошные пятёрки. Светлана улыбается.

– Значит, начальную школу закончили неплохо. И когда только эта сорви-голова уроки успевает учить?

– У неё просто память феноменальная. Вся в меня! – шутливо приосанился Олег. И неожиданно обнял жену, ласково заглянул в глаза.

– Я даже помню, какой сегодня день, – со значением проговорил он.

– Неужели сегодня?.. Да, правда... Подумать только, семнадцать лет...

– На этой вот самой кровати.

– «На этой, на этой», – передразнила Светлана, – опять ты меня от разговора уводишь. С Олей-то что делать?

И от её нахмуренности у Олега снова падает настроение.

– Знаешь, что, – говорит он после минутного раздумья, – давай пока не будем её трогать, пусть уж экзамены как-нибудь сдаст, а там...

– Конечно, это проще всего – пустить на самотёк, авось обойдётся, – хмурится Светлана.

– Ну солнышко, – примирительно шепчет Олег... и вдруг кусает жену за мочку уха – шаля, как не умел в молодости.

Светлана возмущается и неуместностью шутки, и легкомыслием мужа – солидного дядьки с коренастой фигурой и загрубевшим лицом. Но она не успевает выразить свои эмоции – Олег хватает её в охапку и дурашливо кидает на кровать, «кровожадно» рыча и урча. Никогда не умевшая визжать Светлана издаёт высокий пронзительный звук. В дверь врываются перепуганные – или больше удивлённые? – Маришка и Серёга. Проголодавшиеся, они забежали домой, на минутку оторвавшись от летних забав и друзей.

Олег подаёт руку неловко оправляющей халат и волосы жене, невозмутимо объясняя некстати возникнувшим дет-

кам:

– Так, пошутили с мамой немного, – и тут же переходит в атаку: – Марш в ванную мыть руки – и за стол!

А Светлане – шёпотом:

– Эх, жаль, такой кайф сломали!.. А впрочем, сейчас они быстренько поедят...

– Да Бог с тобой, Олежка, Оля ведь с консультации вернётся вот-вот.

Но в глазах Светланы – такой огонёк... «Да подождут они там ещё минутку!» – решает Олег и широкой спиной наваливается на дверь... И так сладки губы Светланы – будто и не было этих восемнадцати лет...

...Учителя на экзаменах хмурились и качали головами: сбивчивые ответы Ольги едва тянули на «тройчок». Самой же ей было всё равно. Происшедшее между ней и Юрой настолько потрясло, настолько всколыхнуло её душу, что всё остальное стало мелким и незначительным.

Кэтрин, недоумевая, кидала на неё участливые взгляды. Однажды осмелилась спросить:

– Очень плохо?

С Кэтрин за последние годы немного отдалились, ограничив общение школой и семейными праздниками: в жизни одной появился Юрий, в жизни другой – Макс. Тот самый, что когда-то написал на подаренной книге: «Кэтти – лучшая на свете».

Двоюродные сёстры лишь изредка делились девичьими секретами, но по-прежнему могли, в случае необходимости, рассчитывать одна на другую. Может, сейчас был именно такой случай? О Юре Кэтрин, конечно же, знала, но в своё время расспросила Олю только о его музыкальных занятиях, считая нетактичным касаться «всякого другого»...

И вот теперь Оля испытующе посмотрела в чёрные глаза Кэтрин. Спросила с запинкой:

– Скажи, Макс тебе – близкий друг?

– Да, друг.

– Нет, ты не поняла... – Ольга замялась: как бы попонятнее выразиться, но без излишней откровенности?

– Ну... вы с ним целуетесь... и всё остальное?

Кажется, Кэтрин поняла.

– Да, целуемся, – подтвердила не очень охотно.

– И больше ничего?

Похоже, Кэтрин начала уже возмущать неуместная настырность подруги. Но, очевидно, тут же сообразила, что дело не в праздном любопытстве.

– Да. Больше ничего.

Оля опустила голову. Ясно: делиться проблемами с Кэтрин не имеет смысла. Но ведь и не с мамой обсуждать такие вопросы. А разбившееся на две несовместимые части чувство к Юре так тяжело носить в себе...

– Оля, тебе надо поговорить с папой. Ему по «телефону доверия» разные вопросы задают, – неожиданно подсказала

Кэтрин.

А ведь верно, Павел – психолог. Но – мыслимое ли дело рассказать ему о таком? Конечно, он свой, и уж наверняка разбирается... А измотанная душа устала ждать хоть какой-то помощи.

У Павла было «окно» между лекциями, и он предложил племяннице встретиться в институте. С трудом отыскивали свободную аудиторию – небольшую, вероятно, для занятий иностранным языком.

Ольга села было к окну, забившись в дальний угол. Но Павел покачал головой, попросил расположиться по серединке. Сам сел немного поодаль. Достал несколько фотографий, разложил в ряд перед племянницей: довольно приятные, хотя и очень разные лица. Когда Оля с недоумением их рассмотрела, предложил:

– Выбери из них, кому бы смогла рассказать.

Ближе всех показалась миловидная девушка с зелёными глазами и светлыми волосами до плеч. У неё был располагающе-доброжелательный взгляд.

«Конечно, не узнала», – подумал Павел.

Дело в том, что он апробировал сейчас свою новую методику. И лица на фотографиях были – не реальные, а созданные с помощью компьютера. Правда, за основу брались «фейсы» вполне конкретных добровольцев. Выходило впечатляюще: изменили цвет глаз, причёску, убрали мелкие

морщинки – и племянница не узнала родную тётку... Интересно, что многие хотели бы поведать о своих проблемах именно ей, Лиле.

Павел убрал лишние фотографии.

– Оля, представь, что никого рядом нет, только ты и она. Говори всё, что считаешь нужным. Я могу о чём-то спросить. Обращаться не надо, отвечай «ей».

Оля с недоверием покосилась на Павла: как-то это всё... Чутьочку поёрзала на жёстком казённом стуле. «Да, лучше бы в кресле», – с неудовольствием отметил психолог.

Девушка с минуту смотрела на свою «собеседницу», настраиваясь. Потом упёрла ладони в виски, а локти – в стол, тем самым как бы отгородилась от Павла. И начала.

Смущённое бормотание вскоре сменилось простой речью, какой секретничают обычно с подружкой. Психологическая провокация не дала сбоя и в этот раз. Значит, пора садиться за статью о новой методике... Но о чём это там говорит милая племяшка? Когда только и вырасти успела. То-то Кэтрин изъяснялась с каким-то многозначительным выражением в лице. Неужели и у дочки уже такие недетские проблемы? А как недавно, кажется... И Оля – сердобольная непосредственная болтушка – тогда с лёгкостью решала «взрослые» вопросы. Без неё, уж точно, не появился бы в семье Зориных Лёня. И как бы всё тогда обернулось – неизвестно... Вероятно, дети мир видят более простым, без ненужных полутонов. А в головах взрослых очевидное для детей скрыто

наслоениями из опыта, комплексов, предрассудков. И сердце зачастую не может достучаться до умудрённых мозгов. И черствеет душа, разучившись отличать искреннее от ложного...

Павел иногда осторожно что-то уточнял, про себя собирая слова для «вердикта». И вот Оля, выговорившись, замолчала. Замерла, не поднимая пылающего лица. Точно обвиняемая перед прокурором. Ждёт выговор и разбор «по косточкам». Не дождётся. Павел произносит очень буднично, как и всегда в подобных случаях:

– Все ваши терзания, девушка, напрасны. И винить приходится расхожие сплетни да хвастливые речи ваших сверстников, трубящих на каждом углу, как «всё это» здорово – и прямо с первого раза! А это брехня. В первый раз даже самым отчаянным и «подкованным» бывает страшно. А часто – и стыдно, и больно. И противно – тоже. Но кто же станет в том признаваться? Захочет показаться «деточкой» и «хлюпиком»?.. Ваш первый опыт, Оля, вполне удачен, переживаешь ты зря. А твои ожидания не оправдались потому, что мечталось сразу воспарить, испытать неземное наслаждение. Так бывает только в кино. А на самом деле... Помнишь сказку «Аленький цветочек»? Никогда не задумывалась, о чём она?

И Оля вдруг услышала откуда-то из прошлого: «Алый цвет – это ты», – ломкий мальчишеский голос. И своё тогдашнее смущение вспомнила. И так остро, до боли в сердце,

захотелось оказаться рядом с Юрой. Несмотря ни на что... Павел между тем говорил:

– О чём эта сказка? О каком-то чудище, силой Настенькиной любви превращённом в прекрасного принца?.. И с тобой, Оля, рядом окажется принц, когда переступишь в своей душе через... В общем, ты поняла, да? Через этот этап, так или иначе, проходят все. Видимо, исторически так сложилось. У многих народов был обряд посвящения, после которого подростки становились полноправными соплеменниками. А для этого надо было пройти ряд тяжёлых, а порой – и жестоких – испытаний. Может, с тех времён в нас и живёт безотчётный страх на пороге взрослости. Особенно это касается девочек.

Так и быть, приоткрою завесу над собственной юностью. Подкреплю примером, так сказать... Обижался и не мог понять, почему от меня шарахается Лиля, я ведь просто хотел её поцеловать. Что тут такого? Ей было 16 лет, мне – на год больше... И уже много лет спустя, когда прочёл одну интересную статью – о скрытом смысле сказок, то нашёл объяснение. Поцелуй принца будит принцессу, и она воскресает – но уже в другом, изменившемся мире. И путь назад невозможен. То и страшит, что нельзя вернуться в очарованный сон. Страшно навсегда шагнуть во взрослый мир...

Вот такой умный у тебя дядька! – заключил Павел с неожиданным лукавством. Ему хотелось разрядить слишком серьёзную обстановку, вызвать невольную улыбку.

ку на Олину пухленькую, затуманенную сейчас мордашку. Не поддавалась. Ждёт чего-то ещё. Что ж, время пока есть, продолжим. Теперь о Юре.

– Твой мальчик, Оля, судя по твоему рассказу, – чуткий и добрый, и... Тебе очень плохо без него, да? Представь, как переживает сейчас он. Ты его обидела – сильно и незаслуженно. Если тебя беспокоит это – скажу, что как мужчина он вполне состоятелен. А значит, тебе надо только переступить через себя... Или, может быть, стоит подумать? Прислушаться к себе: а хочешь ли продолжать отношения с ним? Всё-таки, детская дружба – это одно, а... Не буду, не буду, сам не терплю, когда в душу лезут. Скажу только, что в таком вопросе надо слушать своё сердце, а не следовать чьим-то советам. Иначе... Если б ты знала, сколько искалеченных судеб! Мне звонят, помощи просят. А начнёшь разбираться – мама дорогая, да как же у тебя язык повернулся, да ты же потом...

Затарaxтел за дверью звонок – третий с начала разговора. Павел поднялся, оправил пиджак.

– Всё, Оленька. Сейчас у меня лекция.

Девушка уже вскочила – изменившаяся за эти полтора часа, успокоенная и принявшая решение. Она с признательностью смотрела на Павла. Прощаясь на лестнице, крепко жала его руку.

– Павел, ты не представляешь, какой камень свалился...

– Да слава Богу, Оленька, если помог. Обращайся всегда.

И – счастья тебе, родная.

Глава 6

Едва она вошла, Юрий тихо выдохнул: «Оля!» Он узнал её не по звуку шагов, не по стуку в дверь, не по скрипу деревянного крылечка, а гораздо раньше, когда словно бы от порыва ветра хлопнула калитка.

Тётя Зина ничего не сказала девушке, взглянула только – то ли с осуждением, то ли с тревогой, сурово сомкнув прямые полосы губ.

Оля нерешительно переступила порог Юриной комнаты. И замерла. Он лежал в постели. Лицо без чёрных очков и из-за чрезмерной бледности показалось незнакомым. Неподвижные глаза блестели по-неживому страшно. Мелко подрагивали воспалённые губы и раскинутые поверх одеяла руки.

– Оля, – повторил Юра, и голос, предательски взлетев, сорвался.

Она не могла ни ответить, ни подойти: сердце сжалось холодной костлявой рукой. «Какая же я дрянь!» С бесконечной жалостью скользила глазами по его лицу, и понимала, как соскучилась... и что причина его болезни – то, что произошло между ними.

– Я знаю, Оля, – заговорил, преодолевая волнение, Юрий, – я знаю, ты пришла сегодня в последний раз...

Она произвольно шагнула к нему, протестующе взмах-

нув рукой... Но почему-то промолчала, и только сердце заколотилось часто и отчаянно. Он продолжал:

– Я знал с самого начала, что так будет, что ты обязательно однажды уйдёшь... И я благодарен тебе за всё... Ты самая яркая звёздочка в моей беспросветной ночи.

Его лицо покрылось лихорадочными пятнами. Губы судорожно выталкивали слова.

– Благодаря тебе я на миг посмел даже возомнить себя, – горькая усмешка, – настоящим мужчиной... Но нет, я всего лишь инвалид, и мне неподвластно сделать тебя счастливой, а значит... Кесарю – кесарево.

– Да нет же, нет! – не выдержала Оля. – У тебя всё получилось! Это я не была готова, что... именно так... Это всё из-за меня!

– Спасибо, – растроганно прошептал Юрий, но, с беспощадностью к себе, добавил: – Ты говоришь это, я ведь понимаю, мне в утешение. Но всё равно – спасибо, что ты...

– Юрочка, – сквозь брызнувшие слёзы нервно засмеялась она, – но это правда, я сама не знала...

Как тут было избежать упоминания о Павле! Ольга, конечно, многое сгладила – например, свои эмоции, в подробности не вникала. Но авторитет психолога ей был необходим, чтобы убедить и ободрить друга, придать вес своим словам.

...Нечто невообразимое творилось в душе Юрия с того самого дня. Прикосновение к Ольге стало настоящим откры-

тием, возникшее вдруг желание раствориться в её лебяжьей нежности явилось откровением, а весь тот вечер – до момента, когда понял, что резко неприятен Ольге, – вечер тот был слитком нереального счастья... Которое перечеркнул издательский «Чижик-пыжик».

В ту же ночь Юра заметался в бреду: мозг не справился со стрессом, с резким переходом от ликования к растерянному отчаянию.

– Нервное расстройство. Как сказали бы прежде, нервная горячка, – поставил диагноз врач.

Лекарства – порошки, капли и травки – помогли успокоиться и снять напряжение. Но слабость, вызванная осознанием собственного ничтожества, всё не отступала. Шокированный непонятным бегством Ольги, Юрий совсем упал духом: больше она не придёт, а значит... Не всё ли равно, двадцать он лет проживёт или пятьдесят? Вот только тётю Зину жалко. Совсем с ним извелась, всё вздыхает да плачет потихоньку, но Юрин слух сейчас особенно обострён, и через дверь слышно хорошо. Юра старается говорить с тёткой ласково, то чаю попросит, то книжку чтоб почитала. А ей и от радно выполнять его прихоти. А он уж так и старается не показать, как горько на душе, но только получается не очень: любящую тётушку не проведёшь.

Олино признание – что рассказала о т а к о м постороннему человеку – снова повергло в шок. «Калека, посмешище, подопытный кролик, препарат для опытов – вот кто я

такой!»

Юрий отодвинулся к стене, отвернувшись от Ольги. Оказывается, он всё делал правильно и вполне состоятелен как мужчина? Что ж, есть повод гордиться! И как же хочется провалиться сквозь землю...

Оля смотрела на Юру полными слёз глазами. Нет, видимо, не понять ей его, а ему её. Обиделся, отгородился. Остаётся поспешно уйти, чтобы разрыдаться не здесь. Чтобы никогда-никогда-никогда больше не открывать знакомую калитку. И эти упрямо, до боли сжатые его пальцы не тронут больше с волнующей дрожью её плеч. Ни-ког-да!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.